

INSPIRIA

18+

Земные законы
на море не властны

Сандро Веронези

КОМАНДИР

Эдоардо де Анджелис

В переводе
Владимира Лукьянчука

INSPIRIA

Переведено. На реальных событиях

Сандро Веронези
Командир

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Веронези С.

Командир / С. Веронези — «Эксмо», 2023 — (Переведено. На реальных событиях)

ISBN 978-5-04-192022-7

1940 год. Италия участвует в войне. После тяжелого ранения Сальваторе Тодаро отказывается оставить службу и берется провести подводную лодку с командой молодых подводников из разных уголков Италии через Гибралтар. Когда на пути «Каппеллини» встречается грузовое бельгийское судно, Тодаро понимает, что должен потопить вражеский корабль, но морской закон для командира выше военного. Вопреки приказу уничтожить врага, Тодаро берет на борт 26 выживших моряков, чтобы доставить их на берег. Так, в крошечном замкнутом пространстве с общими бедами, надеждами и припасами оказываются заперты очень разные люди, которым долгое время говорили, что они – враги.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-192022-7

© Веронези С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение	6
1. Рина	9
2. Тодаро	11
3. Анна	13
4. Маркóн	15
5. Скьясси	18
6. Джиджино	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сандро Веронези, Эдоардо де Анджелис Командир

Иди на помощь с любовью, и мир наступит.
Ривер Феникс

*Есть три типа людей:
живые, мертвые и те, кто плывут по морю.*
Платон

Edoardo De Angelis and Sandro Veronesi
COMANDANTE

© 2023 Giunti Editore S.p.A./Bompiani, Firenze-Milano
www.giunti.it
www.bompiani.it

Перевод с итальянского *Владимира Лукьянчука*

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

Сандро Веронези

История, которая привела к рождению этой книги, отмечена знаком чуда и, как все истории о свершившихся чудесах, должна быть рассказана. История эта происходила летом 2018 года.

Лето в Италии 2018 года было ужасным. Как обычно, увеличился поток мигрантов, бегущих морем из ливийских лагерей; у их путешествия могло быть только три исхода: либо оно удавалось, и переполненные баркасы причаливали в Лампедузе, на Мальте, в Сицилии, в Калабрии; либо их немедленно задерживала ливийская береговая охрана и отправляла обратно в лагерь; или оно заканчивалось трагедией: двигатели переставали работать, надувные лодки сдувались, шлюпки опрокидывались, и беженцы внезапно становились потерпевшими кораблекрушение. То лето было невыносимым, потому что вместо мощной волны солидарности в Италии поднялась неистовая волна ксенофобии, накрывшая именно этих людей – тех, кто, потерпев кораблекрушение, оказался в воде и, даже уцепившись за какой-то обломок, не имел шансов выжить. На этих самых последних из последних людей низвергались омерзительные моральные испражнения, повторявшиеся, как девиз, всеми социальными сетями: «Приятного аппетита рыбкам», «Конец сладкой жизни», «Круиз закончился». В то же самое время итальянской береговой охране запрещено было вмешиваться, и мигранты тонули. Эти воды бороздили лишь несколько не подведомственных Италии спасательных катеров, они назывались SAR (от Search and Rescue, то есть «Поиск и спасение»), иногда они спасали тонущих, и тогда начиналась настоящая одиссея в поисках порта, где можно было бы высадить потерпевших крушение (правительство в то время проводило политику *закрытых портов*), а волна ксенофобии захлестывала неправительственные организации, спустившие на воду эти катера, против которых началась настоящая кампания клеветы и травли: их называли «морскими такси», намекая на их сговор – разумеется, за плату – с ливийскими перевозчиками, не доказанный ни разу ни в одной судебной инстанции ни по одному из многочисленных исков.

В то обезумевшее лето от ощущения бессилия и кипевшей во мне злости я потерял сон. Из головы не выходила эта чудовищная ситуация, ничто больше не интересовало меня – столь радикальной и непреходящей реакции я не испытывал никогда. Стремясь перенаправить свое дурное состояние в действие, я связался с руководством неправительственной организации и записался в очередь, чтобы в будущем стать членом спасательного экипажа, но главное, впервые в жизни учредил общественное движение. Я сообразил, что многие из моих друзей и знакомых, которым я поверял свои чувства, пребывали в том же состоянии, и я их всех объединил в движение под названием «Тела», указывавшим на желание поставить собственное тело между волной ксенофобии и ее жертвами. Но, осуществляя свой замысел, я действовал так, как будто готовился отпраздновать свой день рождения: я приглашал людей, которых ценил за их труд и сознательность, проявленные при исполнении собственного долга, в результате в группе оказались люди, знавшие меня, но незнакомые друг с другом. Не стану приводить их полный список*, но хочу здесь вспомнить, что написал Антонио Пеннакки¹, один из немногих, кто был старше меня, в ответ на мое приглашение принять участие в нашем движении: «Дорогой Веронези, я передвигаюсь на костылях, но если ты просишь сопроводить тебя на корабль, чтобы помочь этим несчастным людям, я отвечаю тебе – да».

¹ Антонио Пеннакки (Antonio Pennacchi, 1950–2021) – итальянский писатель, лауреат премии «Стрега» за роман «Канал Муссолини» (2010) (Здесь и далее примечания переводчика).

Я объединил всю эту группу друзей-волонтеров в чате на платформе Signal и сообразно назвал ее «Тела». Среди них был Эдоардо Де Анджелис, с которым я недавно познакомился, поскольку моя жена работала над дистрибуцией его фильма «Порок надежды»². Еще до нашей личной встречи, когда меня обдало волной дружеского чувства, меня поразили один его прием: во время съемок фильма он каждое утро на рассвете рассылал всей съемочной группе, включая мою жену, месседж, который называл «заметка», с целью *настроить всех* на одну волну вдохновения в предстоящий рабочий день. Он писал изумительно красивые короткие тексты, чтение которых придавало заряд ежедневного вдохновения и мне, не имевшему к этому никакого отношения и лишь украдкой читавшего его «заметки». Я понял, что Эдоардо принадлежит к той породе кинорежиссеров, которые умеют писать, и, соответственно, стал ценить его по-особому.

Среди прочих вкладов Эдоардо в наш чат была разосланная им утром ссылка на сайт «Аввенире»³, опубликовавший заявления адмирала Петторино, тогдашнего руководителя береговой охраны, который в своей речи по случаю годовщины основания корпуса, гарантируя должное исполнение правительственных указов, запрещавших его моторизованным патрулям спасать утопающих в Ливийском море, тем не менее отметил, что «спасение утопающих в море есть законный и моральный долг». После чего, оторвавшись от текста, копию которого заранее предоставил властям, и уже не по бумажке вспомнил о подвиге командира подводной лодки Сальваторе Тодаро, который во время Второй мировой войны отправил на дно Атлантического океана бельгийское судно и, не подчинившись приказам немецкого адмирала Карла Дёница, спас его экипаж. Дёниц назвал его «морским Дон Кихотом» (идиотское сравнение, для того времени тоже), но Тодаро не уступал, он отстаивал свое решение спасти тонущих неприятелей и дал объяснение, которое теперь Петторино выдавал за свое, тем самым подчеркивая несогласие с правительственными указами: «Мы – моряки, – сказал тогда Тодаро, и Петторино сейчас повторил, – итальянские моряки, у которых за плечами два тысячелетия цивилизации, и мы поступаем именно так».

Эдоардо поразили эти слова, он занялся изучением вопроса. Так всплыли на поверхность Сальваторе Тодаро, герой нашего Военно-морского флота, награжденный золотой, тремя серебряными и двумя бронзовыми медалями за воинскую доблесть, и многочисленные реконструкции того эпизода, о котором говорил адмирал Петторино. Каждая реконструкция в чем-то отличалась от другой, но все они сходились в решающей точке: спасение врага в открытом море и объяснение этого выбора меткой фразой: «Мы – итальянцы».

Эдоардо позвонил и спросил, что я думаю по поводу безумной мысли, которая пришла ему в голову, – снять по этой истории фильм. Фильм о войне. Исторический фильм, в котором офицер Итальянского Королевского флота в разгар войны ослушивается приказа немецкого командования и спасает двадцать шесть членов экипажа корабля, только что потопленного его подводной лодкой. Я ответил ему, что это грандиозная идея и что именно этим нам стоит заняться – поиском документов, свидетельств, историй, на которых следует сосредоточиться всеми силами, чтобы доказать: то, что «Тела» называли позором нации, то им и было на самом деле. Конечно, понадобится какое-то время, фильм о войне не снимешь и не смонтируешь в два счета, но все равно это годилось: некоторые граждане принимают участие в непосредственных акциях, другие занимаются более сложными проектами, но цель у всех одна. Эдоардо остался доволен моим одобрением, приступил к своим изысканиям, и к этой теме мы больше не возвращались.

И вот, наконец, мы оказываемся в той точке истории, где происходит чудо: будучи неверующим, не знаю, имею ли я право назвать это как-то иначе, как не прямое проявление боже-

² Il vizio della speranza (ит.).

³ «Аввенире» (Avvenire, ит.) – ежедневная газета, выходит с 1968 г.

ственной воли. Среди людей, которых я пригласил участвовать в группе «Тела», была Жасмин Бахрабади, моя старинная приятельница из Ливорно, специалист по рекламе музыкальных групп. Я представил ее в чате другим «Телам»: знала она от силы нескольких человек. Сообразно своим наклонностям, чату она предпочла деятельное участие в составлении списков спасательных экипажей и организации мероприятий в поддержку неправительственных организаций, с которыми мы тесно сошлись. Однажды утром я получил от Жасмин имейл с прикрепленной к нему статьей, опубликованной по ее инициативе на первой странице «*Tirreno*»⁴ и посвященной командиру Сальваторе Тодаро, которого приводил в пример адмирал Петторино. Жасмин написала: «Это статья о моем дедушке».

То есть *Жасмин была внучкой Тодаро*.

Я был в шоке, тут же попросил у нее разрешения разослать статью участникам чата и, получив его, сделал это, сопроводив ошеломительной новостью, которую сам только что узнал. Через пару минут раздался звонок. Это был Эдоардо, он был потрясен так, как если бы перед ним явилась Дева Мария.

«Ты ведь знал, скажи по правде».

«Клянусь тебе, что нет».

Через два дня Эдоардо был в Ливорно, где встретился с Грациеллой, дочерью Тодаро, в доме Жасмин, том самом, где Тодаро с женой жили до войны. Он получил разрешение порыться в двух бережно сохраненных баулах, где были собраны все личные вещи командира: письма, фотографии, награды, книги по йоге и оккультизму, которые он читал, и книги, по которым самостоятельно изучал фарси, то есть персидский язык. (Я не буду тянуть резину с чудесами, но кто хочет, может поразмышлять, почему у моей приятельницы Жасмин фамилия Бахрабади, из какой страны она родом и на каком языке разговаривает ее отец.)

Через месяц Эдоардо предложил мне поучаствовать в создании сценария, и хотя я не слишком силен в киносценариях, но знак, полученный с небес, был настолько ясен, что я охотно согласился. Памятуя о его «*записках*» во время съемок «*Порока надежды*» и ободренный естественностью, с какой он, начиная с первой редакции сценария, уловил язык Тодаро, я, в свою очередь, предложил ему, пока продюсеры будут поднимать на ноги фильм, поучаствовать в написании книги, вдохновленной этой назидательной итальянской историей. Мое предложение тоже охотно было принято.

Спустя четыре года, в то время, когда заканчиваются съемки фильма, появляется эта книга. Поутихшая было ксенофобия снова готова подняться устрашающей волной, и война уже на пороге, то же самое, что в те годы: дополнительный аргумент, чтобы итальянцы (те, кто плавает по морям, и, главное, те, кто по ним не плавает, а лежит и загорает на песке, растянувшись на полотенце, кто играет в бадминтон или участвует в пляжных вечеринках и считает справедливым и даже патриотичным дать погибнуть людям, бегущим от голода, от преследований и от войны), помнили, чьи они дети. Хотя нет, уже внуки.

* В конечном счете список следующий, в алфавитном порядке:

Роберто Алаймо, Сильвия Баччи, Жасмин Бахрабади, Алессандро Бергонцони, Катерина Бонвичини, Кьяра Валерио, Сандро Веронези, Паоло Вирци, Франческа д'Алойя, Эдоардо Де Анджелис, Хамид Дзиарати, Сильвия Джаньони, Джузеппе Дженна, Джипи, Лука Дониелли, Марко Кассини, Мануэла Каваллари, Массимо Коппола, Франко Корделли, Симоне Ленци, Антонио Леотти, Габриеле Муччино, Микела Мурджа, Антонио Пеннаки, Риккардо Родольфи, Элена Станканелли, Тереза Чабатти, Стефано Эко.

⁴ «Тиррено» (*Il Tirreno, int.*) – ежедневная газета (основана в 1945 г.), распространяется в Тоскане.

1. Рина

Признаюсь как на духу.

Признаюсь, что когда мне его принесли с перебитой спиной, ни живого ни мертвого, но все же живого, я испытала огромное облегчение, но не потому, что он остался жив – в этом я признаюсь, а из-за перелома спины. Мы поженились недавно, он быстро продвигался по службе во флоте, будучи самым способным, и я уже смирилась, понимая, что вышла замуж за воина, и понимая, как и все вокруг, что мы верно движемся к войне. Я знала, что он будет служить родине, не щадя себя, и, значит, отдаст ей жизнь. Это убивало и меня. Как будто часть моего молодого тела к тому времени уже умерла. Так мне было написано на роду, я знала, я согласилась, но это убивало меня.

Как вдруг этот несчастный случай. Не в Африке (в ожидании большой войны мы затеяли свою маленькую африканскую кампанию), а в ста километрах от дома, в Специи. Не во время героического наступления, а во время учений. Волна, поднятая торпедой, накрывает его гидроплан, скользящий по поверхности воды, и разносит вдребезги. Перелом позвоночника, неизлечимый. И я признаюсь: признаюсь, что инвалид был мне дороже здорового, пенсионер дороже командира корабля, он был пленником – моим и семьи, которую бы мы создали. То, что он не погиб, было чудом. Но еще большим чудом было то, что он не сможет больше сражаться и будет вечно нуждаться во мне.

Но продолжалось это недолго. Выздоровление тоже было чудом. Металлический корсет, сущая пытка, не отбирал, а придавал ему силы. Я уже тогда это поняла, когда его надели на грудь. Я присутствовала при процедуре. Надевали его двое военных врачей, один постарше, другой помоложе, в ортопедической амбулатории Академии. Я находилась там и наблюдала с другой половины огромной, залитой электрическим светом комнаты, но я была далеко и ничего не значила, будто меня там и не было. Там присутствовал, и это чувствовалось, дух воина, вернувшегося, чтобы овладеть телом Сальваторе Тодаро. Этот металлический корсет, от которого он никогда не сможет избавиться, превратил его тело в сплошную рану, но он его благословлял, потому что тот не давал ему переломиться надвое, как цветку; он удерживал его грудь в вертикальном положении, а коль скоро он мог стоять, то, значит, мог и воевать.

Корсет причинял ему страшную боль, но он был устойчивым к боли, когда же она становилась нестерпимой, в запасе был пузырек морфина.

Облегчение быстро прошло. Я знала его насквозь, знала, о чем он думает, но все равно рискнула. Я поговорила с ним, рассказала о жизни, которую мечтала устроить, которую любой другой в его состоянии смиренно бы принял: продать дом в городе, уехать на побережье, поближе к Монтенэро, где можно за бесценок купить ферму. Жить плодами земли, разводить животных. Вино, оливковое масло, пчелы, целительный мед. Дети будут расти на чистом воздухе, будут питаться плодами наших рук, подальше от войны, которая рано или поздно наступит. Я буду ухаживать за ним, утешать его боль, любить, обожать его, дарить ему счастье каждый день, каждый час, вечно. Этого я не сказала, но это и так было ясно. Я выложила ему все о своих чувствах, все, без остатка. И не преминула напомнить о его любви. Я напомнила, что жизнь за родину он уже отдал в ушедшем под воду гидроплане. «Собираешься отдать ее дважды?»

Он выслушал меня и ничего не сказал. Отправился к Бетти.

Бетти был портным и по совместительству медиумом. Сальваторе шел к нему, когда предстояло принять важное решение, потому что Бетти общается со своим духом-проводником, древнегреческим воином, как он говорит. Слепым, как он утверждает. Что это тайная сторона его сути, хотя не такая уж и тайная, поскольку своего пристрастия к оккультизму, восточным практикам, метемпсихозу и изучению магии он ничуть не скрывал – это я не

могла их разделить. Я верю в Бога, и с меня хватает. Сальваторе, выслушав меня, отправился, стало быть, к Бетти. Я могу представить во всех деталях развернувшуюся сценку, поскольку однажды, еще до аварии, еще до нашей женитьбы он взял меня с собой. Лавчонка, забитая рулонами ткани, иглками, катушками с нитками и швейная машина с педалью, возвышавшаяся там как алтарь. Закрыв глаза, Бетти стоит и молчит, на шее висит портняжный метр. Сальваторе ему говорит: «Рина считает, что я должен выйти на пенсию по инвалидности. Альтернатив никаких. Дом в деревне». Бетти слушает его стоя, по-прежнему молчит, глаза закрыты, руками опирается на рабочий стол, проходит три минуты, и тут он начинает говорить, но говорит на древнегреческом, которого не знает, так как закончил всего три класса. Значит, кто-то другой за него говорит. Бетти берет чистый лист бумаги, толстый карандаш и записывает, но не он, а кто-то другой:

ἐνθα δὲ Σίσυφος ἔσκεν, ὁ κέρδιος γένετ' ἀνδρῶν,
Σίσυφος Αἰολίδης· ὁ δ' ἄρα Γλαῦκον τέκεθ' υἱόν, αὐτὰρ
Γλαῦκος τίκτεν ἀμύμονα Βελλεροφόντην.

Признаюсь, что я порылась в карманах моего мужа, как та ревнивая жена, и нашла этот листок с оракулом. Признаюсь, что переписала все греческие слова и вернула оракул на место. Когда он уехал, он взял его с собой.

2. Тодаро

Я испытывал пронзительное чувство радости.

В мраке отчаяния изредка всплеск счастья, проистекающий из чувства гармонии с собственным телом.

Сын.

Пчелиный мед на подушечках пальцев.

Школа хождения под парусом.

Дон Вольтолина снимает с себя пальто и отдает тому, кто замерз.

Твои ноги и влажная щель, в которую я вхожу.

Потом еще один сын, чтобы отсрочить мою гибель.

Я не гонюсь за счастьем, Рина, не притязая на него, это – удел пресытившихся, это – завершенное чувство, состояние неподвижности, участь буржуазии. Слепой грек увидел мою судьбу: моя победа – в сражении. В эти месяцы безделья я понял, что моему ощущению себя инвалидом сильно способствует расслабленность мозговых полушарий, что отнюдь не красит воина. Я сжимал и разжимал тысячу раз пальцы, чтобы морфий скорее разбежался по венам.

Мне прирезилось, что боль была очень сильная.

Этот металл на теле не дает мне глубоко вздохнуть, но он меня защищает. Этот металл врос в мою плоть, и плоть моя стала неуязвимой. Возможно, я больше не гуманоид или вошел в новую стадию эволюции, когда тело поглощает металл и превращается в новую субстанцию. Сейчас у меня достаточно сил. Я заболел и ослаб изнутри, я сделался духовным инвалидом. Бетти передал мне слова древнего грека и сшил мундир:

ἐνθα δὲ Σίσυφος ἔσκεν, ὁ κέρδιτος γένετ' ἀνδρῶν,
Σίσυφος Αἰολίδης· ὁ δ' ἄρα Γλαῦκον τέκεθ' υἱόν, αὐτὰρ
Γλαῦκος τίκτεν ἀμύμονα Βελλεροφόντην.

Ему дано знать то, чего он не знает и не может понять. Он говорил четко и убежденно. Потом переписал на листке бумаги мой оракул, чтобы он всегда был у меня под рукой. Я положил грека с его словами в карман.

Я качал в колыбели ребенка. Я наслаждался, когда ты, сидя за роялем, пела интермеццо из «Сельской чести». Запомнил твой голос, перешедший в шепот, ласковое прикосновение твоих пальцев к клавишам. Я слизывал со лба твой пот, когда ты дрожала в моих объятьях. Я целовал твои горькие слезы.

Я проглотил боль, не почувствовав ее вкуса.

Я просил тебя завязать мне галстук на белой рубашке под мундир в знак благословления и защиты.

Я пожал моим людям руку и по мнемонической кальке каждой руки велел изготовить рукоятки кинжалов.

Я исцелился.

Я плевать хотел на враждебность судьбы, из поднебесья я опущусь в морские глубины.

В Специи ночь, ветер гоняет пустые бутылки, снасти на судах бьются, летают прочитанные газетные страницы.

Неисправимая медсестра уходит домой, напевая «Хочу тебя хоть на часок»⁵.

Я знаю, Рина, знаю. Умоляю тебя...

⁵ Un'ora sola ti vorrei (*ит.*) – хит итальянской эстрадной музыки, 1938 г.

Специя точно как парашют, с одной стороны, ты еще здесь, с другой – ты уже в пустоте. Мы загружаем «Каппеллини» сказочными богатствами, как настоящие фараоны, ребята шутят, представляя себя египетскими царями, поэтому я им не говорю, что пирамиды – это саркофаги.

Команда плохо оснащена, сейчас они построились в шеренгу. Мундиры расстегнуты, рубашки не заправлены, но мне наплевать: вручаю каждому кинжал, выполненный по слепку с его руки. Они знают, что им предстоит спускаться под воду, однако что делать с холодным оружием – представления не имеют, а спросить о причине подарка стесняются и только благодарят.

Никогда не знаешь, как далеко твой враг, защищенный толщей воды и стальными обшивками, тысячами артиллерийских орудий, адскими технологиями, которые наши поэты могут только вообразить, или, может, он где-то рядом, его сердце наполнено куражом британской либеральной мысли и страхом, в точности как и наше.

Некоторые считают, что подводные лодки по-настоящему не сражаются.

Чушь! Чушь собачья! Небывалая чушь! У нас есть своя траншея. Только она жидкая. И мы ее пройдем, позволив себе непозволенное, как гласит девиз, начертанный на капитанском мостике этой подводной лодки по имени «Каппеллини». Добротное судно, я велел окковать форштевень сталью, потому что, не приведи господь, в современной войне может понадобиться действовать дедовскими методами и идти на таран.

Матроса-электрика Карэдду я на борт не взял. Не понравился цвет его кожи. «Я здоровый и крепкий», – уверял он меня. Я отправил его к военному доктору.

Сейчас мы готовы позволить себе непозволенное.

Но мы беззащитны.

3. Анна

Возьми хотя бы этот ветер: я знаю, куда он гонит наших морячков, отбывающих в плавание: он их гонит на верную смерть. Я-то слыхала, что говорят армейские врачи: если война будет короткой, вернется только одна из пяти подводных лодок, а если затянется – одна из десяти. И ни одной, если продлится долго. Парни эти обречены на смерть, но ты погляди – смеются, наяривают и поют: *«Хочу тебя хоть на часок»*. Те же слова шептал мне сегодня ночью Джиджино: я жизнь отдам за час с тобой, моя ненаглядная Анна, в чреве нашего «Капеллини», на дне морском. Хоть часик в день, шептал он мне, а в остальные двадцать три я буду тверже кремня. Джиджино ведь повар, он как кормящая мать для своих сослуживцев, и тоже погибнет в тот час, когда их кормит. Я вся до сих пор в его сперме, но мне не противно. Он сорвался и убежал, поцеловав меня в последний раз, потому что сильно опаздывал; на плечах тяжеленный ранец с привязанной к нему мандолиной, улыбается от счастья, которое я ему подарила; умчался как на пожар, полуголый, а я даже не подумала зайти в ванну и смыть с себя его семя.

Наоборот, я встала, напялила на себя свою форму, прямо на голое тело, без трусиков, чулок, комбинации, без косынки, прикрывающей волосы, без пальто на этом собачьем холоде, в одной серой форме сестры милосердия на голое тело с потоками его спермы я выскочила и пошла вслед за ним. Он меня не видел, перебрасывался шутками с ожидавшими его товарищами, слушал командира, про которого говорил, что тот колдун и волшебник. Я пошла за ним, но на расстоянии, уже светало, ветер носил по воздуху всякую дрянь, из казарм выскакивали последние опоздавшие, расхристанные в точности как Джиджино, и вступали в хор, в котором пел даже командир-чародей. *«Хочу тебя хоть на часок»*. Все в один голос. Были там еще две девушки, две сестры милосердия, как я, Анджелина и Нунция, которые подарили счастье и улыбки двум другим морякам, отправлявшимся на гибель. Только мы, три медсестры, дарим счастье и улыбки этим парням, только мы не в силах им отказать. Привет-привет, мы даже поздоровались, но каждая из нас была занята своими мыслями, хотя они у нас похожие, голову даю на отрез, но они наши, и мы молча обдумывали их, без косынок, стягивающих волосы, которые ветер треплет как бешеный, в то время как мы мысленно в последний раз ласкаем парней. Этих парней, уходящих на войну, худущих, взвинченных, с кипящей в жилах кровью. Я прекрасно знаю, что нельзя всякий раз уступать, но отказать я им, ей-богу, не в силах. Особенно с тех пор, как переехала из Неаполя в Специю, здешним морякам я даю с преобладающим удовольствием. Я знаю, мать моя считает, что я жертва, а дядя Феличе говорит, что я блудливая кошка, но их здесь нет, и какое мне дело до того, что они думают. Я знаю, а они – нет, ни сном ни духом не ведают.

Я знаю, что эти парни с гладкой кожей и ослепительной улыбкой должны были бы нырять и нырять за жемчужинами, а они уходят воевать и уже не вернутся. У каждого из них есть мать, сестра, невеста, которые должны были бы находиться здесь и наблюдать, как они друг за другом исчезают в брюхе огромной железной рыбы; они должны были бы видеть, как парни смеются и шутят в последний раз, но здесь они находиться не могут, здесь находимся только мы – блудливые сестры милосердия; есть и добродетельные девицы, которые не дают к себе прикоснуться, но в этот час они спят, и только нам трем остается их провожать и плакать. Потому что не надо быть прорицательницей, чтобы знать, что они не вернутся, а если вернутся из этого плавания, то не вернутся из следующего, а если вернутся и из того, то не вернутся из какого-нибудь очередного. Не надо быть прорицательницей, чтобы знать, что в конце войны, когда начнут подводить итоги и станет известно, что погибли почти все наши подводники, мы зажем рот ладонью. Достаточно послушать, что говорят военные врачи, чтобы знать, что моряки навеки останутся на дне моря, куда сейчас устремляются с такою гордостью и отвагой,

и сколько в них жизненной силы, и как бездарно они ее тратят в этом металлическом гробу. У каждого есть женщина, которая его оплачет, но их здесь нет. Есть только мы, три блудливые сестры милосердия, единственные в мире, кто в данную минуту знает, до чего паскудна война.

4. Маркóн

Специя

28 сентября 1940 года

7 часов 20 минут

Ту-ту, отчалили.

Эта морская зверюга длиной 73 метра и шириной 7 метров оснащена дизельным мотором в 3000 лошадиных сил для движения по поверхности и двумя электрическими двигателями по 1300 лошадиных сил каждый для плавания под водой. На ее вооружении два 100-миллиметровых артиллерийских орудия, два 13-миллиметровых двустольных пулемета, восемь торпедных аппаратов крупного 533-миллиметрового калибра. Кроме того, боеприпасы: 12 торпед, 600 артиллерийских снарядов и 6000 патронов для пулеметов. А также форштевень, обшитый сталью по распоряжению командира, потому что, как он сказал, «никогда не знаешь, на современной войне могут понадобиться старинные методы боя, тараны».

Курс 180 градусов. По правому борту мы оставляем Пальмарию, Тино и Тинетто, куда в увольнительную мы ходили ловить осьминогов голыми руками под предводительством моториста Стумпо, который промышляет ловлей кораллов и может нырнуть на тридцатиметровую глубину. Осьминогов, по правде сказать, ловил только он, мы лишь за ним наблюдали. Стумпо научил нас, как отличить осьминога-самца от осьминога-самки: ты ловишь осьминога и если сразу за ним вылавливаешь следующего, это значит, что первый – самка, которая привлекла самца. А если приплывает сразу много, значит, ты поймал самца, которого заебали тетки.

Эта морская зверюга названа в честь «бесстрашного и доблестного» командира Альфредо Каппеллини, который взлетел в воздух со всем экипажем 20 июля 1866 года в битве при Лиссе; он наотрез отказался покидать пробитый австро-венгерскими залпами свой броненосец «*Палестро*». Пожар бушует, с ближайших итальянских кораблей спускают шлюпки, чтобы эвакуировать экипаж до того, как пламя успеет добраться до крюйт-камеры с запасами пороха и зарядов, но несговорчивый командир не уступает, продолжает бороться с огнем, рискуя лишиться жизни, пока пламя не добирается до склада боеприпасов, и – бум! – он лишается ее. Вместе с ним погибли 231 (из 250) член экипажа, но зато Альфредо Каппеллини в одночасье стал героем войны...

Пройдя четыре мили от залива, мы взяли стабильный курс 225 градусов. Сальваторе входит с каюту. Делает мне знак следовать за ним. Я иду. Он вскрывает запечатанный сургучом конверт. Сверху написано: «БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 98». Вытаскивает листок. Разворачивает его. Читает. Складывает. Вкладывает обратно в конверт. Мне не показывает. Требуется, чтобы я сидел с ним в каюте, только я, и больше никто, но приказ прочитать не дает. «Сверхсекретно».

Он шутил. Но я никогда не знаю, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Все знают, что мы друзья, Сальваторе сказал об этом однозначно Фратернале и другим офицерам и, черт побери, сказал это в знак уважения ко мне по-венециански: «*Mi e Marcon sèmo grandi amissi*, – сказал он, – *ansi, sèmo fradèi*»⁶.

«Поэтому, – продолжил он по-итальянски, – никаких кривотолков, поскольку я буду разговаривать с ним больше, чем командир обычно разговаривает со старпомом, и больше, чем со всеми вами».

Впрочем, от их ревности меня защищает лицо. Невозможно ревновать к человеку с такой внешностью. Кожа на моем лице – это целая история, и когда Сальваторе целует меня в щеку и

⁶ «Мы с Марконом ближайшие друзья, точнее говоря, братья» (венец.).

говорит: «Мы с Марконом воюем против всех», она становится историей нашей дружбы. Или даже больше того.

Мы с Сальваторе сдружились в военном госпитале в Специи, где оказались после ранений, полученных порознь, он на своем гидроплане, я – при взрыве ацетилена, хотя все думают, что мы пострадали вместе, но мы никого не разубеждаем.

Да, мы с ним побратались. Но он – капитан третьего ранга и командир подводной лодки. А я всего лишь главный корабельный старшина, старший рулевой и старший помощник, и никогда не знаю, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Он пошутил, не дав мне ознакомиться с приказом. Когда я развернулся, собираясь уйти, слегка обиженный, если по правде, он передал мне листки.

Засада, было написано там, как и можно было предвидеть. Для чего на войне нужна подводная лодка, как не появляться внезапно из воды и подбивать корабли противника? В *Атлантике*, было написано там, то, чего я боялся. *Гибралтар*. Теоретически мог быть и не он, а Средиземное или Красное море, где не столь опасно. Но такими командирами, как Сальваторе, не разбрасываются и не посылают туда, где не слишком опасно. Таких, как он, посылают туда, где опасность – наивысшая, а пройти Гибралтар – задание почти неисполнимое. Я сказал ему об этом в шутку, потому что он понимает лучше, когда я шучу: «Ты поэтому решил позвать меня в это путешествие?»

Потом я перешел с ним на венецианский, потому что он любит, когда я разговариваю с ним на родном языке, и сказал ему, что, по-моему, это равносильно тому, что пройти между Марко и Тодаро. Я думал, он знает эту венецианскую побасёнку. Но он, который знает все, ее не знал. Не знал о двух мраморных столбах, увенчанных статуями святых покровителей Венеции при въезде на площадь Сан-Марко. Не знал, что когда-то между ними, во времена дождей, стояла плаха, где рубили головы, и поэтому пройти между ними считается у венецианцев дурной приметой. Он не знал даже о святом Тодаро, которого зовут так же, как и его, и что он был покровителем Венеции до того, как им стал святой Марко. Он не знал решительно ничего.

Я-то считал, что он знает все, и меня даже смутило его невежество, как будто я увидел его нагишом. «Я же из Кьоджи, – виновато сказал он, – из Соттомарины»⁷. После чего взял себя в руки и перевел разговор на известные ему, но не мне, темы, поскольку командир среди нас – он. И рассказал мне, что «Каппеллини» уже бывал в Гибралтаре под командованием Мази, которому не удалось пересечь пролив, но на пути назад он на десять дней встал на причал в Сеуте, пользуясь ложным нейтралитетом испанцев, и с высокой точки за портом изучил систему британской обороны пролива. Там есть возможность пройти, сказал он мне, и показал проход на навигационной карте. «Dabòn, el xé un ro» un co'ò de botilia, ma «l ghe xé»⁸.

Он перечислил мне подводные лодки, которым за последний месяц удалось пройти через пролив: «Маласпи`на», «Барбари`го», «Дáндоло», «Маркони», «Финци», «Баньоли`ни» и два дня назад «Леонардо да Винчи» под командованием Кальфы. Всего семь.

«По-твоему, мы с тобой такие долбоебы, что не сумеем пройти?»

Это и есть прекрасное в Сальваторе Тодаро: с ним чувствуешь себя уверенно, когда он уверен в себе.

«Самая современная лодка в армаде, – добавил он, – доверенная лучшему старпому Итальянского Королевского флота, мы что с тобой, два долбоеба, что ли, которым слабó пройти?»

9 часов 35 минут

⁷ Кьоджа (Chioggia, *ит.*) – рыбацкий город на юге Венеции, состоит из архипелага островов, был в венецианском подчинении; венецианцы высокомерно относятся к жителям Кьоджи, в частности считают их диалект «низким». Соттомарина – район Кьоджи; здесь игра слов: Соттомарина – город, и Соттомарина – подводный флот.

⁸ «Узкий, правда, как бутылочное горлышко, но все-таки есть» (*венец.*).

Погружение.

5. Скьясси

Без войны тут можно было бы рехнуться. Будь только одна навигация, мы бы тут точно все спятили. Жить каждый день друг к другу впритык, телесные запахи смешиваются с парами топлива и мазута, целый день сидеть в напряжении и слушать, воображать и предугадывать, что нас ждет, и ни одна хорошая мысль не приходит в голову. Запертые в этой отравленной посудине днем и ночью, независимо от того, движемся ли мы на поверхности или плывем в погружении, когда не хватает воды, чтобы умыться, и с едой исключительно из консервной банки, мы обязаны денно и ночно вести наблюдение за перемещением какого-нибудь объекта или спасательной шлюпки; когда не хочется перекурить или сыграть в карты, а одно-единственное желание – спать, превращающее нас в животных. Я видел матросов, спавших стоя. Плавать на подводных лодках – это то, что лишает тебя желания жить; об этом бы стоило говорить, а не об атаках, не о пальбе торпедами или о свисте при быстром погружении, когда в нескольких метрах от тебя взрываются бомбы: это незабываемые минуты, бесспорно, поскольку рискуешь жизнью, а рискуешь потому, что она есть. А когда практически постоянно нет ничего другого, помимо передвижения и вони, монотонной работы и пустоты, тогда есть от чего охренеть.

Огромное счастье, что в ожидании настоящей войны на свете еще существует нежность. И я, радист, чьи приборы молчат по двенадцать часов в сутки, когда мы плывем под водой, и тогда мне вместе с Минни`ти приходится слушать по гидрофону, в котором каждый звук – вопрос («Что это было? А это что?»), и для правильного ответа опыт помогает больше слуха, воображение – больше опыта, а паранойя – больше воображения, и я, стало быть, радист, эту нежность распределяю. Aquí Radio Andorra⁹ – говорит приветливый голос девушки, которую каждый из нас представляет по-своему. Aquí Radio Andorra: единственное радио в мире, которое не говорит о войне, а передает круглыми сутками только песни о любви – американские, французские, испанские, которые исполняют только женщины. Похоже, у них стометровая антенна, возвышающаяся в каком-то недостижимом месте, похоже, у них самый сильный сигнал в Европе, который не в состоянии заглушить ни одно правительство, поскольку Андорра – это государство, свободное государство, чье радио доступно всем находящимся на земле людям, а также всем плывущим в море кораблям. Поэтому мы его слушаем все вместе, все, и мы, и наши враги. Мы его слушаем по ночам, когда всплываем на поверхность, чтобы перезагрузить воздух и зарядить батареи: весь экипаж их слушает, всю ночь, через громкоговорители, и эти женские голоса кажутся голосами наших женщин. Aquí Radio Andorra – это прохладная ладонь медсестры на твоём лбу, обещание, что ты скоро поправишься, как шептала на ухо мама. Aquí Radio Andorra, и весь корабль подпевает этим голосам, говорящим о любви, поскольку это голос нашей сестры, склоняющейся над нами, чтобы нас, одичалых, утешить, где бы мы ни находились – в рулевом или моторных отсеках, на огневой позиции, в высокой рубке или в гамаке из моржовых шкур, прицепленном к переборкам последних кают, где от усталости кто-то дрыхнет. Aquí Radio Andorra, и офицеры тоже закрывают глаза, и наш командир тоже, а ведь он не смыкает их никогда, даже когда спит. Но когда наступает его очередь запереться в каюте, никто не возражает, что я приглушаю громкоговорители, пусть хоть часок подремлет, иначе вся эта нежность будет только его будоражить. О нем много чего рассказывают, говорят, что он был на «Маласпине», когда тот пустил ко дну British Fame¹⁰, что он волшебник, факир и гипнотизер, что он никогда не спит, но тот, кто это говорит, признаётся, что сам наверняка не знает, поэтому на всякий случай лучше его не беспокоить, лучше приглушить музыку, ведь

⁹ Говорит радио Андорры (исп.).

¹⁰ «Слава Британии» (англ.) – английский флагманский корабль (1936), потопленный 12 августа 1940 г. итальянской подлодкой «Алессандро Маласпина».

как-никак под его командованием мы идем на войну. На войну – мы не видим часа, чтобы сразиться, ибо на этой войне без войны мы себя чувствуем потерявшимися в море, и даже радио Андорры не в состоянии нас найти.

6. Джиджино

В первый же день, как мы отшвартовались, командир зашел в камбуз и спросил у меня, профессиональный ли я повар? Так точно, господин командир! А в плаванье ходил? Так точно, господин командир! Спрашивает, знаю ли я названия венецианских блюд, самых общеизвестных? Так точно, господин командир! Можешь назвать? Печень по-венециански. А еще? Не робей, называй все, что умеешь готовить. Баккал¹¹-мантекато, говорю. С^арде-ин-сабр. Би`голи-кон-ле-аччуге. Гранс^еола-болли`та. Бродетто. Ризи-и-бизи¹¹. Я произношу названия, и он закрывает глаза, а когда командир закрывает глаза, кажется, весь мир отдыхает. Фаршированная утка. Кастр^ади`на – суп из копченой бараньей ноги, полента с мелкими раками, крабы с мягким панцирем во фритюре. Он вдруг открывает глаза и смотрит, а когда он смотрит, я робею. Он меня перебивает и говорит, что всю ту вкусную снедь, которую мы загрузили на борт, пока не разрешается трогать, а всех кормить только пастой без соуса и тушенкой. Он не объясняет причину, значит, это приказ. И велит мне, что когда я готовлю пищу, то обязан вслух перечислять все лучшие блюда со всей Италии, как я перечислил сейчас венецианские. Знаю ли я кухню каждой итальянской области? Так точно! – отвечаю я ему. Тогда громким голосом я должен перечислять все те, которые знаю, постоянно. Как молитву, добавил он. Это еще один приказ, причину которого я наконец-то понимаю.

Овощной бульон, бульон из цыпленка, куриный бульон, бульон из каплуна, мясной бульон, вареное мясо, вареное мясо с жареным луком по-французски, пиккьяп^б – вареное мясо по-римски, запеченная требуха с яйцами, телячья печенка по-армейски, бараньи отбивные по-чиновничьи, телячьи молоки, потроха ягненка, телячьи ножки в пармезане с маслом, маринованный язык, пудинг из манной крупы, рисовый пудинг с птичьими потрохами, рис, картофель и мидии в горшочке, рисовая запеканка, помидоры, фаршированные рисом, рисовые крокеты, суппли, макароны, запеченные с фрикадельками, кнели или же телячьи котлеты с почками, изобретенные французским поваром, хозяин которого был беззубый, мясной рулет, рулет из соленой сухой трески, крутые яйца под соусом, рагу по-неаполитански, фаршированные яйца, фаршированный рулет, кролик в винном соусе, жаркое из зайца, цесарка в гранатовом соусе, фаршированный голубь, голубиная запеканка, фрикас^е из курицы, курица в марсале, курица по-крестьянски, курица в яичном соусе, петух без костей, тушеная маринованная телятина, острое жаркое с кьянти, мороженое со взбитыми сливками, тушеная свинина с савойской капустой, фрикандо, шоколадный крем «бычья кровь» в креманках, полента с колбасками, запеканка из макарон, запеканка с анчоусами, запеканка на любой вкус, сладкие перцы в томатном соусе, печеные баклажаны с сыром, баклажаны на любой вкус, пончики с яблоками, пирожки с рисом, с полентой, спагетти с черенками, мидиями, мерлузой, анчоусами, каракатицами, свежий салат, паппарделле с зайцем, клецки картофельные, манне, клецки из поленты, зити «Санджованниелло» с анчоусами, кавателли с мятой и клубникой, фузилли с цезарскими мухоморами, макароны с помидорами и базиликом – ешь до отвала, запеканка из макарон, тушеные макароны, макароны с рагу по-сицилийски, по-болонски, по-французски, то есть с сыром грюйер, макароны по-всякому, ризотто с лягушачьими лапками, с мидиями, с теллинами, с грибами, с зеленым горошком по-милански, тальятелле с рагу из прошутто, паста с фасолью, паста с чечевицей, паста с картошкой, паста с картошкой и моцареллой...

Все так или иначе проходят мимо кухни и слышат мои причитания. Все они знают, что я каждый день готовлю одно и то же: спагетти «аматричана» без помидоров, по-римски –

¹¹ Il baccalà mantecato – взбитый крем из сухой трески. Le sarde in saor – жареные сардины в кисло-сладком маринаде. I bigoli con le acciughe – толстые венецианские спагетти с анчоусами. La granseola bollita – вареные крабы. Il brodetto – суп не менее чем из 10 сортов рыбы и морепродуктов. I risi e bisi – рис с зеленым горошком сорта «бизи» и панчеттой.

«гри`ча», и это когда все идет хорошо, а когда не очень и нет даже корейки из Амастриче, тогда это спагетти с одним лишь названием. Спагетти с одним оливковым маслом и чесноком. Мясная тушенка в банках, вот она почему-то никогда не заканчивается. Галеты. Все знают, что никакого удовольствия от этой еды не получают, но даже командир и офицеры питаются этой дрянью. Но поскольку я знаю несметное количество названий блюд, я их называю громким голосом, как приказал командир, и моряки мало-помалу рассаживаются вокруг камбуза. У них пробуждается аппетит, отбитый вечными консервами: когда пропадает чувство голода и еда становится надругательством над собой.

...мидии в остром соусе, рыбная солянка, рыбный суп, суп из кефали, суп с гренками, суп королевы, суп по-испански, суп с сухариками, моцареллой и мортаделлой, чечевичный суп, суп из лягушек, суп из улиток, суп из овощного бодяка, суп по-неаполитански, хлебная похлебка, мучная похлебка, тюря с помидорами, недельный суп из кудрявой капусты, минестроне по-разному, израильский кускус, молочный суп, суп «сто пехотинцев», «женатый» суп, суп из цикория и молодого латука, суп из рикотты, манной крупы и толченых сухарей, овощной суп с анчоусами, холодный телячий рулет, телятина под соусом из тунца, холодный кап-лун в бычьем желудке, кабачки, жаренные в остром соусе, кабачки фаршированные, бобы с цикорием, зелень репы, молодая фасоль в соусе бешамель, вареная фасоль, фасоль с шалфеем, бодяк овощной в духовке, луковички в кисло-сладком маринаде, фаршированный сельдерей, печеные артишоки, грибы в соусе, грибы, жаренные на масле, грибы на все лады, картофель на все лады, шпинат, спаржа, полевая капуста, брокколи мелкие, савойская капуста, русский салат оливье, рыба в панировочных сухарях жареная, припущенная рыба, треска по-палермитански, голуби лесные запеченные, камбала в вине, свежая барабулька с ветчиной, свежая барабулька в томатном соусе, на гриле, по-лигурийски, тунец в любом виде, анчоусы маринованные, анчоусы во фритюре, анчоусы с майораном, сардины с начинкой, картофельный салат с осьминогом, осьминоги «санталючия», мурена по рецепту острова Капри, угри под соусом, угри по-всякому, угорь с икрой запеченный, красноперый пагель в «дурной воде», сушеная треска, тушенная с помидорами, сушеная треска по-средиземноморски, сушеная треска с маслинами, тунец с печеным картофелем в форме рыбы, ростбиф по-английски, молодая говядина по-генуэзски, рыба-меч по рецепту Эболи, кролик с Искьи, почки по-парижски, молочный поросенок по-флорентийски, печенка кусочками в поджаренном сальнике, капуста в горшочке, ломтики поленты во фритюре...

Я спросил у старшего помощника Маркона, друга нашего командира, с которым они оба покалечились, почему мы держим в кладовке картошку, кабачки, сыры, колбасы, пресное и слоеное тесто и не можем к ним прикоснуться? А ты подумай, сказал мне старпом, но я думаю, что это дело не ума старшего матроса. Ну, я подумал. Потому что мы будем в Атлантике, а там будет намного хуже, чем в этом болоте, на этот случай мы бережем то, что повкуснее. А что дальше? Ну, я еще разок подумал. А чтобы войти в Атлантику, нам надо пройти Гибралтар. А чтобы его пройти, мы должны думать, что все прекрасное осталось вдали: моя Анна, с которой мы недавно обручились, наши матери, наши деньги, счастливые деньки – все находится там. И даже вкусная еда, клецки с соусом, например, или жареная полента ожидают нас там. Так я ему сказал. Ну, и что с того? Ни один мускул не дрогнул на обожженном лице старпома.

...пицца по-неаполитански, пицца по-всякому, лепешки с начинкой на любой вкус, бисквиты, сладкие язычки, заварные булочки, горячие пончики, ромовая баба, слоеные булочки, медовые крокеты, крендельки, сладкий хворост, эклеры, эклеры Сан-Джузеппе, хворост с простым или виноградным медом, крапфен, штрудель, миндальные крендельки, печенье на все вкусы, песочный пирог с шоколадом, сицилийские марципаны, марципаны из Поццуоли, сицилийская пиньолата, тирамису в креманке, торт с меренгами, хворост хрустящий, торт «испанский хлеб», пышки в сахарной пудре, желе из айвы, миндальные амаретти, марципаны, сладкие язычки, бисквитный торт, торт по-мантуански, «кудрявый» торт, торт «Семь баночек йогурта»,

ореховый торт, рисовый торт, торт из рикотты, тыквенный торт, торт с неаполитанскими колбасами, торт «Капри», торт «Милан», шоколадный торт с миндалем, каштановый торт «Монблан», мусс на любой вкус, пудинг, торт «плам-кейк» на йогурте, баварский торт, пирожное «картошка» по-тоскански, свежие фиги из духовки, взбитые сливки с сахарной пудрой, карамель из молока, крем-карамель или «молоко по-португальски», пунш с приправами по вкусу, суп из вишни, компот из вишни, компот из абрикосов, варенье из инжира, желе из разных фруктов, сабайон, горячий шоколад, персики в сиропе, персики в вине, персики во льду, печеные вишни, печеные яблоки, печеные груши, жареный миндаль...

Командиру я каждый день приношу пять луковичек, отваренных в бренди. Всего лишь пять, но каждый день. Вначале он отказывался, но я настоял: командир, сказал я, видите ли, вы такой же человек, как все остальные, и я приношу эти луковицы, чтобы вам напомнить об этом, потому что вы любите их. Он согласился с моим аргументом и сейчас получает удовольствие. Он мне даже сказал, что ждет их с трепетом, как ожидают даму. Как мы все ждем Гибралтара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.